

Виноградовские чтения 2006 г.

19 января 2006 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) состоялись ежегодные Тридцать седьмые Виноградовские чтения. Чтения 2006-го года были посвящены проблемам исторической лексикологии, занимавшим важное место в широком кругу научных интересов академика В.В. Виноградова.

В докладе Анны А. Зализняк (Москва) "Внутренняя форма слова как предмет историко-лексикологического исследования" внутренняя форма слова понималась как осознаваемая говорящим мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова. Другими словами, это об-

раз или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта. Выделяются три типа внутренней формы слова: словообразовательный (основа внутренней формы – деривационные отношения слова с другими словами или морфемами: *заходить* – от *зайти* и от *ходить*), эпидигматический (основа – отношения с другими значениями того же слова: *волноваться*, *нос корабля*) и смешанный (*дверная ручка*, *впечатление*). Внутренняя форма слова может быть оригинальной и калькированной, может различаться по степени прозрачности (в том числе в зависимости от типа дискурса или ментальных особенностей носителя языка), может быть ложной, порождаемой народной этимологией, которая в свою очередь часто влечет за собой переразложение морфем.

В.С. Елистратов (Москва), говоря об «Истории слов и истории словесных “брендов”», разделил сферы бытования слов на сакральный и профанный гипердискурсы и выделил в последнем три “поля”: культурное, идеологическое и коммерческое. В культурном гипердискурсе преобладает естественное развитие слова, в идеолого-коммерческом – искусственное, что и есть по сути дела история “бренда”, т.е. “торговой (идеологической) марки”. Как пример слова, по-разному бытовавшего во всех трех полях гипердискурса, был рассмотрен “бренд” *романтизм*. В настоящее время все больше слов сразу создаются как “бренд” (активно функционирующее коммерческое *мин/тинейджер*, а также пока только формирующееся в США *претин* – ребенок 12–14 лет). На основании лингвистических данных были сделаны более глобальные выводы. Сфера идеологии и особенно – коммерции, т.е. “риторического гипердискурса” в современном мире (и это – глобальный, интернациональный процесс) основывается на трех интегральных структурах. В сфере логоса это *тест*, в сфере пафоса – *клип*, в сфере этоса – *прецедент*. Тест приводит к безальтернативности мышления, клип (так называемое клиповое мышление) – к крайнему обеднению эмоционального спектра, прецедент – к разрыву культурной преемственности.

Е.С. Копорская (Москва) в докладе “О некоторых явлениях обмирщения церковно-славянской лексики (второй пол. XVIII–нач. XIX в.)” говорила об эпохе Просвещения как времени появления большого количества отвлеченных существительных, источником для которых стал церковнославянский язык. Секуляризацию тех или иных слов сопровождало переосмысление значения слова, часто связанное с изменением его внутреннего образа, развитие образного употребления, метафоризация. Е. С. Копорская подробно рассмотрела церковнославянские слова (*просвещение*, *вдохновение*, *восхищение* и некот. др.), несущие центральную идею русского православия – идею богоединения, которые стали ключевыми словами русского просветительства.

А.Д. Шмелев (Москва) в докладе “Старое и новое в русской церковно-бытовой лексике” отметил, что русский религиозный дискурс развивается и в настоящий момент, однако последний раз подвергался нормализаторской деятельности в к. XIX–н. XX в. Так, относящиеся к данному типу дискурса слова не получают никакой квалификации в орфоэпических словарях (не фиксируются характерные для церковного дискурса *приходской*, *патриархия*), в толковых словарях (либо не фиксируются, либо толкуются неточно или не-

полно). Докладчик остановился на бытовании в современном живом церковно-бытовом языке четырех слов: *мясопуст*, *привенчивать*, *ящивка* и *ящик* (*стоять за ящиком*).

В.Б. Крысько (Москва) в докладе “Темные слова в древнерусских текстах” предложил новое прочтение ряда непонятных фрагментов в памятниках древнерусской письменности: Каноне Кириллу Философу из Итальянской книги (XI–XII вв.), в Студийском уставе (к. XII в.), Троицком сборнике (XII–XIII вв.), в Луцкой (Флорентийской) псалтыри (1384 г.). Подробнейший текстологический анализ в соединении с анализом близкой лексики других славянских языков и греческих источников, а также с морфологическим анализом позволяет докладчику определить значения некоторых темных слов, что дает возможность использовать изученный материал в дальнейшей работе по составлению “Словаря русского языка XI–XVII вв.”.

Е.М. Верещагин (Москва) посвятил свой доклад “Слух interpretorum: фантомная лексема *изгидиошася*” проблеме интерпретационного перевода, с которой часто приходится сталкиваться исследователям древнерусских текстов. На примере лексемы *изгидиошася* Е.М. Верещагин показал, что славянские книжники при переводе греческих оригиналов зачастую наделяли непонятные для них слова новым смыслом. Именно использование таких личных интерпретаций явилось одной из причин появления многих темных, загадочных фрагментов в древнерусских текстах.

Чл.-корр. РАН А.М. Молдован (Москва) в своем докладе “*Лясы точить и бить баклуши*” обратил внимание на этимологию названных выражений. Подробно рассмотрев точку зрения В. Даля, А. И. Соболевского и В. В. Виноградова, выведивших значение слова *лясы* от *баласы*, *баласыны* ‘точные столбики для перил’ и связывавших происхождение фразеологизма *точить лясы*, а также *точить баласы* (и, как полагал В.В. Виноградов, более раннее *точить балы*) с ремесленной сферой, докладчик поставил под сомнение правильность подобных толкований, признавая более убедительными объяснения А.Ф. Журавлева, А.С. Мельничука, В.М. Мокиенко и Р. Эккерда в пользу диалектного происхождения данного выражения (*лясы*, по данным говоров, ‘праздная, пустая болтовня’). Также ошибочной можно считать версию Даля о происхождении выражения *бить баклуши*, согласно которой *баклуши* – это заготовки, чурки, чурбаны, предназначенные для дальнейшего изготовления из них посуды; и, следовательно, первоначальное значение ‘заниматься работой, не требующей особого ма-

стерства' было переосмыслено как 'шататься без дела'. Напротив, автор вслед за В.М. Мокиенко и А. Спириным отметил, что в некоторых диалектах слово *баклуша* также означает 'палочку для игры в городки' и какая-то разновидность баклуш могла использоваться в качестве примитивного музыкального инструмента наподобие деревянных ложек, откуда и развилось значение фразеологизма 'бездельничать'. Опираясь на данные письменных памятников и фольклорные источники, докладчик показал, что глагол *бить* в сочетании с обозначением ударных музыкальных инструментов не всегда

требовал наличие предлога *в*: возможно было и беспредложное управление. В заключение А.М. Молдован отметил, что традиционная этимология фразеологизмов *точить лясы* и *бить баклуши*, признанная ошибочной, оказывается на сегодняшний день более популярной и продолжает существовать в новых этимологических пособиях, некоторых словарях и Интернете.

Н.Н. Занегина, Ю.С. Капитанова
(Москва)